

23.00.04 «Политические проблемы международных отношений
глобального и регионального развития»

**Применение дискурсивного анализа в политических исследованиях
международных отношений**

**Application of discourse analysis in political researches of the
international relations**

А. С. Писарчик / A. S. Pisarchyk

Белорусский государственный университет, г. Минск

Belorussian State University, Minsk

Статья посвящена рассмотрению возможностей использования дискурс-анализа в политических исследованиях международных отношений. Определены объект и предмет дискурс-анализа при применении к исследуемой области: глобальное коммуникационное пространство и концептуальные дискурсы. Выявлены особенности современного глобального коммуникационного пространства. Рассмотрены основные компоненты анализа дискурса: социальный контекст, коммуникативная ситуация, кодированное сообщение и сознание субъектов дискурса. В статье также выделены три типа глобального дискурса: глобальный неолиберальный дискурс, цивилизационный или этноцентрический дискурс и дискурс новых инновационных стратегий мирового развития.

The article is devoted to the possibilities of using discourse-analysis in political researches of the international relations. The article defines the object and the subject of discourse-analysis according to the field of study: a global communication space and conceptual discourses. Distinct features of modern global communication space are revealed. The basic components of the analysis of a discourse are indicated, including social context, communicative situation, coded message and consciousness of subjects of a discourse. The article also determines three types of global discourse

which are global neoliberal discourse, civilization or ethnocentric discourse and discourse of new innovative strategies of global development.

Дискурс; дискурс-анализ; глобальное коммуникационное пространство; концептуальный дискурс; субъекты международных отношений; транснациональные сетевые субъекты.

Discourse; discourse-analysis; global communication space; conceptual discourse; subjects of international relations; transnational network subjects.

Как отмечает голландский исследователь Т. ван Дейк, репрезентации социальной действительности выражаются, прежде всего, с помощью дискурса. Дискурс – это коммуникационная практика, направленная на ориентацию и организацию общества, которая выражается в конкретном социальном (трансформация ментальной и социальной организации) и информационном следе (кодированные сообщения).

Международные отношения как реальные условия существования различных субъектов, от государств и их объединений до отдельных граждан, подвергаются постоянному осмыслению и конструированию. Плюрализм и противоречивость дискурсивных репрезентаций современных международных отношений демонстрирует их тесную связь с социальным и историко-культурным контекстом. *Цель данной статьи* – исследовать возможности применения дискурс-анализа в политических исследованиях международных отношений.

Объектом исследования социально-гуманитарных наук является социальная реальность. В случае международных отношений, где позиции и статусы субъектов тесно связаны с геополитическим фактором, уместнее использовать концепт *социального пространства*. Социальное пространство одновременно выступает 1) реальным воплощением представлений о социальных различиях и дистанциях в обществе и 2) исследовательским концептом, который позволяет сконструировать динамическую модель социальных отношений в конкретных пространственно-временных условиях.

Социальное пространство не является неким фиксированным положением вещей, независимым от сознания людей. Социальное пространство конструируется за счет двойного воздействия: извне (воздействие физического мира и биологической системы человека) и изнутри (воздействие индивидуального и коллективного сознания). Дискурс-анализ фокусируется на *внутреннем конструировании социального пространства*, которое представляет собой информационно-коммуникационный процесс создания и распространения социальной информации, ее восприятия, интерпретации и актуализации в ходе взаимодействия агентов и объектов социального пространства. При использовании дискурс-анализа в исследованиях международных отношений объектом становится *глобальное коммуникационное пространство*, предметом – отдельные *концептуальные дискурсы* субъектов международных отношений как способы понимания, интерпретации и категоризации международных отношений (событий/явлений), зависящие от историко-культурных условий и позиционирования субъектов в мировом социальном пространстве.

Доминанту дискурсивной борьбы формируют «классические» субъекты: развитые государства и их региональные объединения, а также авторитетные международные организации. Это можно видеть на примере традиционного геополитического противостояния Североатлантический блок (США и ЕС) – Россия – Китай; определенное влияние оказывают зоны быстрого роста и перераспределения инновационного потенциала, как, например, Индия и Юго-Восточная Азия. Существенные изменения в глобальном коммуникационном пространстве происходят вследствие активизации *транснациональных сетевых субъектов*. К ним можно отнести неправительственные организации, группы интересов, деятельность которых выходит за пределы национальных границ, и так называемые субъекты «серой зоны мировой политики» [1, с. 6]: «государства-изгои» (например, КНДР) и террористические группировки (например, «Исламское государство»). Способность войти в глобальное коммуникационное пространство основывается на двух факторах: суверенитете и признании уста-

новленных нормативных и институциональных рамок и/или реализации собственного информационно-коммуникационного потенциала.

Мы считаем, что применение дискурс-анализа при изучении международных отношений объясняется тем, что он позволяет: 1) выявить проекты и стратегии мирового развития; 2) выделить субъекты и объекты дискурсивной борьбы, а также определить их позиционирование в международном геополитическом и символическом пространстве; 3) внести вклад в общественную дискуссию по вопросам международной безопасности и тенденциям глобального развития. Изучение концептуальных дискурсов через раскрытие заложенных в них целей и интенций способствует решению задачи политического анализа – прогнозирования общественного развития.

Дискурс-анализ не является единым методом: его теория и методология разрабатывалась рядом дисциплин, включая философию, лингвистику, социологию, политологию, психологию, культурологию и многие другие. В области политического анализа вопросами применения дискурс-анализа занимались такие зарубежные и отечественные политологи, социологи, лингвисты и исследователи коммуникации, как Н. Феркло, Э. Лакло, Ш. Муфф, Т. ван Дейк, Л. Филлипс, Р. Водак, М. В. Йоргенсен, Э. Гоффман, М. В. Гаврилова, Е. И. Шейгал, И. Ф. Ухванова-Шмыгова. Указанные авторы разрабатывали собственные стратегии дискурс-анализа в зависимости от характера конкретного исследования и особенностей исследуемой области. Проанализировав ряд работ, нами были выявлены следующие компоненты анализа дискурса:

1) социальный контекст: анализ властных и историко-культурных условий формирования дискурса;

2) коммуникативная ситуация: анализ практики производства, распространения и потребления дискурса;

3) кодированное сообщение: лингвистический анализ текста и/или семиотический анализ звукового, визуального или иного сообщения;

4) сознание субъектов дискурса: когнитивный анализ средств категоризации и концептуализации социальной реальности.

Далее кратко остановимся на каждом компоненте.

1. Анализ властных отношений традиционно осуществляется в терминах *гегемонии* как лидерства либо доминирования в экономической, политической, культурной и идеологической сферах [2, с. 92], которое проявляет себя в различных формах социального неравенства и дискриминации. Данная тенденция представлена в критическом дискурс-анализе (Н. Феркло, Т. ван Дейк, Р. Водак). Акценты анализа социального контекста во многом зависят от специфики тех теорий, которые исследователь использует в комплексе с дискурс-анализом. В сфере международных отношений трудно говорить о существовании единого властного центра, который был бы способен поддерживать господство во всех вышеуказанных сферах. Поэтому анализ социального контекста должен фокусироваться на властных отношениях, складывающихся вокруг конкретного публичного дискурса, и отвечать на вопросы: 1) кто осуществляет контроль над дискурсом; 2) в результате каких взаимодействий/событий он был произведен; 3) вокруг каких ключевых понятий осуществляется борьба за установление гегемонии. В данном случае мы говорим о гегемонии как о закреплении определенной социальной репрезентации в общественном сознании в качестве объективной реальности. При анализе властных отношений важно учитывать, что закрепление той или иной репрезентации не осуществляется усилиями исключительно суверенных субъектов международных отношений. Кроме институционализированного дискурса государственных акторов и межгосударственных структур и сетевого дискурса транснациональных субъектов следует учитывать влияние дискурса субъектов «интерпретаторов», включающий медиа-дискурс, дискурс научно-исследовательских организаций, а также персональный и групповой дискурс обыденных представлений о международных отношениях. Даже учитывая, что субъекты «интерпретаторы» напрямую не участвуют в перераспределении власти на глобальном/региональном уровне, их деятельность выступает важными рычагами «неполитического» влияния на международную политику. Кроме того, социальный контекст включает историко-культурные условия, которые находят отражение в идентичностях субъектов.

Анализ идентичностей позволяет обнаружить культурную и цивилизационную специфику субъектов коммуникации, а также их реальные и имиджевые позиции и статусы.

Таким образом, *анализ социального контекста* должен рассматривать: 1) субъекты коммуникации; 2) их идентичности; 3) объекты дискурсивной борьбы – реально существующие объекты и ключевые понятия, которые их выражают; 4) субъект-субъектные и субъект-объектные отношения, которые могут выражаться в форме интеграции/дезинтеграции, согласия/конфликта, антагонизма и гегемонии; 5) ресурсы властных отношений.

2. Граница между анализом социального контекста и коммуникативной ситуации может оказаться достаточно неопределенной. Социальный контекст показывает, результатом каких процессов или событий стало производство дискурса, в то время как коммуникативная ситуация указывает на конкретные практики, связанные с производством и потреблением дискурса. В связи с этим, изучение коммуникативной ситуации должно фокусироваться на институциональных рамках дискурса, и на том, каким образом внутри них происходит артикуляция дискурса.

Институциональное производство дискурса осуществляется множеством субъектов, которые имеют разную степень влияния на формирование его смысла. Согласно Э. Гоффману, на стадии производства дискурса можно выделить автора (производителя сообщения), аниматора («выразителя» сообщения) и принципала (источник дискурса вне исследуемой коммуникативной ситуации) [3, с. 144]. Производство дискурса может осуществляться одновременно в процессе латентной и официальной коммуникации, что непосредственно отражается на его содержании. На примере последних новостных сообщений о «вмешательстве» российской стороны в президентские выборы США 2016 г. и связи Д. Трампа с этим можно увидеть, каким образом конфликт интересов внутри американского истеблишмента становится причиной усиления дискурсивной борьбы между стратегическими конкурентами глобального геополитического пространства (Россия – США). Множественность адресантов является ограничени-

ем для проведения дискурс-анализа, т.к. непосредственный доступ к процессам производства дискурса, функционирующего на уровне международных отношений, в большинстве случаев невозможен. Кроме того, деятельность самоорганизующихся транснациональных субъектов, действующих по сетевому принципу в обход установленных институциональных рамок, является причиной того, что даже отдельные индивиды, не обладающие соответствующими статусно-ролевыми позициями, могут стать производителями глобальных дискурсов. Приведем два примера: во-первых, реализация концепта «personal minding resistance» – индивидуального интеллектуального сопротивления в деятельности WikiLeaks [4, с.35]. Во-вторых, сходные по исполнению теракты в Ницце (июль 2016 г.), Берлине (декабрь 2016 г.) и Иерусалиме (январь 2017 г.) демонстрируют, каким образом «сообщение», оставленное одним индивидом, становится примером для иных действий, несущих подоплеку глобального дискурса. Поэтому, анализ источников должен полагаться и на исследование *интертекстуальности*, которая выявляет авторитетные мнения/знания, лежащие в основе исследуемого дискурса.

При анализе коммуникативной ситуации учитывается и аудитория дискурса. Н. Феркло разграничивал непосредственного адресата, «слушателей» (косвенных потребителей) и «подслушивающих» (непосредственно не входящих в аудиторию, но кто *de facto* становятся потребителями) [2, с. 80-81]. В глобальном коммуникационном пространстве аудиторией косвенно выступает все мировое сообщество. По этой причине необходимо определять круг лиц, которых дискурс обозначает как ответственных за создание либо разрешение коммуникативной ситуации. В большинстве случаев именно этих субъектов необходимо определять в качестве непосредственных адресатов.

3. Анализ сообщения, представленного в текстовой либо речевой форме, требует подробного изучения его содержательных и формальных характеристик. Основываясь на модели Г. Клауса, значение текста необходимо рассматривать по четырем координатам:

- структурная организация текста (синтактика): анализ структуры текста, типа связи между элементами, общей согласованности сообщения;
- смысловая интерпретация единиц текста (семантика): анализ лексики, грамматической связи между отдельными лексическими единицами, включая установление таких приемов, как транзитивность (наличие/отсутствие связи между событиями и действиями субъектов), номинализация (использование имен существительных для описания процессов либо действий субъектов);
- личностные смыслы и мнения, ситуативно-определяемое содержание сообщения (сигматика): анализ скрытых смыслов текста, которые могут проявляться в использовании метафор, сравнений, «навешивания ярлыков» (стигматизации); анализ этоса дискурса, который показывает, каким образом конструируются идентичности коммуникантов; анализ модальности (вовлеченность автора в тему высказывания путем выражения авторского мнения/знания);
- коммуникативная цель сообщения (прагматика): анализ выбора темы дискурса, интеракционного контроля и распределения коммуникативной инициативы в пределах сообщения [5, с. 8].

Целесообразно проводить анализ структурных единиц сообщения, начиная с 1) его общего замысла, включая тему и жанрово-стилистические особенности, далее переходя к 2) крупным смысловым блокам, которые в совокупности выявляют сценарий раскрытия темы дискурса, отдельные стратегии и тактики поведения коммуникантов, и заканчивая 3) строением отдельных фраз.

При проведении лингвистического анализа текста следует учитывать, что многие синтаксические и грамматические конструкции являются обязательными, и, следовательно, не раскрывают смысл дискурса: «злоупотребление властью может проявить себя в языке только там, где есть возможность изменений или выбора, например, назвать человека «террористом» или «борцом за свободу», – пишет Т. ван Дейк [6, с. 22].

4. Так как понимание действительности во многом зависит от наших ментальных моделей, для точного воспроизведения социальных репрезентаций

дискурса необходим *анализ сознания* его субъектов. Воссоздание ментальных моделей, заключенных в дискурсе, позволяет выстроить схемы понимания субъектами международных отношений причин, последствий и значимости отдельных процессов и событий в глобальном социально-политическом пространстве, а также более достоверно определить направленность их деятельности.

Анализ сознания необходим, например, при исследовании дискурса мировых политических лидеров, или при исследовании дискурса слабо институционализированных субъектов (транснациональные сетевые субъекты). В данных случаях, можно использовать методику когнитивного картирования. Впрочем, анализ любого дискурса, даже исходящего из различных источников, должен включать анализ причинно-следственных связей и определять, какие сценарии развития ситуации они предполагают. Возвращаясь к вышеприведенному примеру дискурса, складывающегося вокруг результатов президентских выборов в США: данный дискурс демонстрирует, как условие о недопустимости влияния иностранного государства (России, и, в частности, Президента В. Путина) на внутренние процессы США используется в качестве средства разрешения внутреннего конфликта.

Основные вопросы, на которые должен ответить анализ сознания субъектов дискурса, это: 1) какие типы знания и информации используют субъекты дискурса; 2) каким образом убеждения, стереотипы и мифы представлены в качестве знания; 3) какую значимость представляют для субъектов те или иные события в сфере международных отношений; 4) какова их субъективная оценка. В конкретном исследовании эти вопросы могут выглядеть следующим образом: каким образом личные интенции смешиваются с фактологической и научной информацией; каким образом религиозные убеждения становятся для субъектов инструментами логического объяснения реальности; в каких терминах субъекты дискурса трактуют международную безопасность и т.д. Следовательно, ключевыми моментами исследования сознания субъектов дискурса стано-

вятся средства категоризации и концептуализации социальной реальности, а также выявление когнитивных структур ее стереотипной репрезентации.

Таким образом, важнейшей *целью* дискурс-анализа в политических исследованиях международных отношений является изучение дискурсивного конституирования глобального социального пространства, которое является объектом глобальной и региональной конкуренции. Субъекты международных отношений стремятся не только увеличить свой потенциал и укрепить позиции, но и универсализировать собственные стратегии развития. В глобальном коммуникационном пространстве можно выделить три типа глобального дискурса:

- дискурс установления универсального порядка на основе экономических (неолиберальных) процессов глобализации. Субъектами этого дискурса являются ведущие мировые экономики, которых условно можно определить по участию в межправительственных форумах Большой семерки (G7), Большой восьмерки (G8) и Большой двадцатки (G20), региональные экономические союзы, транснациональные корпорации и финансовые институты, как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и Всемирная торговая организация (ВТО);

- цивилизационный или этноцентрический дискурс, который выступает средством борьбы за возможность реализации собственного пути развития и сохранение национальной, этнической или религиозной идентичности. Он производится как отдельными государствами, выступающими против идеологии англо-американского превосходства (Россия, Китай, Иран, Индия и др.), так и транснациональными сетевыми субъектами (может принимать формы идеологий национального фундаментализма и религиозного терроризма, и формируется на территориях, выступающих зонами интересов других государств);

- дискурс новых инновационных стратегий мирового развития, возникающий в качестве средства неполитического влияния на мировые процессы. Этот дискурс исходит от предельно широкого круга институциональных, коллективных и индивидуальных субъектов, включая СМИ и социальные медиа, международные движения и неправительственные общественные организации

(например, «Сеть безопасного мира», «Мир без войны»), научные школы и сообщества, универсальные организации (ООН и ее специализированные органы. При этом, система коллективной безопасности, фокусирующаяся вокруг деятельности Совета Безопасности, неоднократно подвергается критике).

Применение дискурс-анализа выполняет не только функции анализа и прогнозирования современных процессов, но и критическую функцию выявления и оценки стратегий глобального развития наряду со способностью формировать альтернативные значения и выносить их для общественной дискуссии.

Использованные источники:

1. Балугев, Д.Г., Новоселов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Д.Г. Балугев, А.А. Новоселов; отв. ред. М. А. Троицкий // Очерки текущей политики. Выпуск 3. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. – 40 с.
2. Fairclough, N. Discourse and Social Change/ N. Fairclough. –Wiley, 1993.–272p.
3. Goffman, E. Frame Analysis / E. Goffman. – Boston: Northeastern University Press, 1986. – 600 p.
4. Малевич, Ю. И. Инновационные стратегии глобализации / Ю. И. Малевич, И. А. Малевич; под общ. ред. Ю. И. Малевич. – Минск : РИВШ, 2016. – 408 с.
5. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн.: БГУ, 1998. – 283 с.
6. Дейк, Т. А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк; пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ », 2013. –344 с.